

Евгения Ганберг
«**Al this compaignye**»:

КАК ПИСАЛИ И ЧИТАЛИ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ¹

“Al This Compaignye:”

How they Wrote and Read about the Trojan War in Medieval England

Евгения Ганберг (Университет Кембриджа, аспирантка департамента английского языка) evgenia.ganberg@gmail.com.

Evgenia Ganberg (PhD Candidate, Faculty of English, University of Cambridge) evgenia.ganberg@gmail.com.

Ключевые слова: Троянская война, среднеанглийская литература, рецепция Античности, *translatio studii*, *translatio imperii*, трансисторическое сообщество, нарратор, Чосер

Key words: Trojan war, medieval literature, reception of antiquity, *translatio studii*, *translatio imperii*, transhistorical society, narrator, Chaucer

УДК: 821.111 + 82–131

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_56

UDC: 821.111 + 82–131

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_56

В статье рассматривается пример трансисторического сообщества авторов и читателей, сложившегося в средневековой письменности. Многочисленные среднеанглийские нарративы о Троянской войне наделяют своих рассказчиков авторитетом, устанавливая связи между героями и авторами прошлого, современными им читателями и будущими поколениями сочинителей. Складывающееся таким образом сообщество не допускает слияния или ассимиляции между участниками: каждый новый голос должен отличаться от голоса предшественника, но при этом необходимы и точки пересечения, позволяющие соотносить себя с другими участниками сообщества. В статье показывается, что такая система отношений, предполагающая постоянное обновление и переосмысление истории, строится по распространенной в Средневековой Европе генеалогической модели, согласно которой различные европейские народы происходили от троянцев.

This article examines an example of a transhistorical community of authors and readers that emerged in the Middle Ages. Numerous Middle English narratives about the Trojan War endow their narrators with authority by establishing ties between the heroes and poets of the past, contemporaneous readers, and future authors. A community that has been formed in this way does not permit merging or assimilation between its participants. Each new voice must be distinguished from that of the predecessor, but the points of convergence are also necessary, enabling one to relate oneself to other participants in the community. The article shows that such a system, which presumes the constant renewal and reinterpretation of history, is in part modelled on popular medieval European genealogies, according to which various European nations originated from the Trojans.

Пролог написанного в конце XIV века аллитеративного романа «The Gest hystoriale of the destruction of Troiu» содержит внушительный список причин, по которым писателям и читателям необходимо вновь и вновь обращаться к истории Трои. Как объясняет повествователь «The Gest hystoriale», инициатива в этом исходит от предшествующих поколений: «...мудрецы записали ранее слова, / оставив [их] на латыни нам на учение» («...wise men haue written

1 Я благодарна Дмитрию Калугину, Борису Маслову и Жаклин Тасиулус — внимательным читателям, без которых эта статья не появилась бы на свет.

the wordes before / Left it in latyn for lernyng of vs») [Wülfing 1902: ll. 31—32]². Иначе говоря, те, кто первыми описали события Троянской войны, сделали это ради нас³. Свои свидетельства авторы прошлого решили оставить, предполагая, что их будущие читатели будут стремиться к знанию (lykyng to lerne) и искать утешения (solas). Оправдывая появление новых текстов таким взглядом из прошлого в будущее, повествователь «The Gest hystoriale» представляет, что каждое следующее поколение читателей вызвано к жизни и санкционировано прошлым. Так в английской литературе позднего Средневековья складывается и осмысливается транслисторическое сообщество, объединенное интересом к Троянской войне.

В этой статье я остановлюсь на нескольких среднеанглийских нарративах Троянской войны, которые содержат описания предшествующих, нынешних и будущих поколений авторов и читателей. Эти образы людей, разделенных границами эпох, но думающих и пишущих о Трое, имеют особую, перформативную функцию, вдохновляя несинхронное сообщество, которое, как будет показано, строится на принципах несходства и множественности его участников. Таким образом, троянский дискурс позднего Средневековья не имеет центра. Вместо общепризнанного основателя или единого авторитета значимость этому дискурсу придают связи, которые возникают между авторами и читателями, населяющими прошлое, настоящее и будущее. Самобытность и автономность участников оказывается обязательным условием существования подобного сообщества; вместе с тем для зарождения связи необходимо, чтобы между ними существовало что-то общее.

Действительно, причину появления в средневековом троянском дискурсе интереса к взаимозависимости читателей и писателей, как и предполагает повествователь «Gest hystoriale», следует искать в прошлом. Хорошо известно, что в Средние века главным источником, рассказывающим о событиях Троянской войны, была не «Илиада», а два позднеантичных текста, относящихся к традиции переписывания Гомера: «История о разрушении Трои», приписываемая Дарету Фригийцу, и «Дневник Троянской войны», приписываемый Диктису Критскому (см.: [Griffin 1907: 16]). Так как на протяжении Средних веков эти псевдосвидетельства признавались аутентичными, их многократно переписывали: текст Дарета сохранились в более чем двухстах рукописях [Clark 2020: 80]. Кроме этого, их неоднократно подвергали переработке — как в стихах, так и в прозе, как на латыни, так и на новых европейских языках [Simpson 1998: 406]⁴.

-
- 2 Здесь и далее в ссылках после латинских букв l. и ll. указываются номера строк стихотворного произведения. — *Примеч. ред.*
 - 3 Подобный образ появляется и в «Троу Бок» Джона Лидгейта: «Истинное знание... / О том, что произошло... / Оставленное нашими предками, / Чтобы послужить зеркалом для нашего рассудка» («The trewe knowyng... / Of thinges passed... / Of oure auncetrys left to vs by-hynde / To make a merour only to oure mynde») (цит. по: [Bergen 1908: ll. 161, 5, 8—9]). Здесь тексты о Трое осмыслиются в категориях средневекового жанра «зерцал» — коллекций поучительных примеров. Хотя прямо эта жанровая принадлежность упоминается лишь в нарративе Лидгейта, Владислав Виталиц предлагает рассматривать под этим же ракурсом и другие троянские нарративы [Witalisz 2011: 16].
 - 4 На Руси троянская история в переработке Гвидо тоже пользовалась популярностью, но позже: сохранились три списка XVI века, содержащие ее полный перевод, а также несколько сокращенных. Вероятно, что с одним из этих переводов был знаком Иван Грозный [Ботвинник, Творогов 1977: 157].

Помимо самой истории войны последующие поколения унаследовали от этих псевдосвидетельств один характерный формальный элемент — пролог [Levy 1943: 29]. В позднеантичную эпоху, когда создавались эти тексты, пролог отвечал требованиям жанра: он был частью авторской литературной игры. Так, содержащиеся в этих двух текстах рассказы об их «случайной» находке и посвящения историческим личностям должны были придать им статус подлинных документов эпохи. Однако говорить о зарождении настоящего сообщества писателей и читателей на данном этапе еще нет оснований: в самом тексте Дарета, главном источнике троянской истории для европейской литературной традиции (в Византии, напротив, главным авторитетом и источником был Диктис), отсутствует даже авторское «я» и тем более нет перформативных обращений к читателям, цель которых состояла бы в том, чтобы вызвать к жизни воображаемую публику (все это лишь слегка намечается в прологе).

Правомерность поиска субъективного голоса повествователя, прямо заявляющего о себе в тексте, по сей день остается предметом дискуссии медиэвистов. В современных исследованиях раннему Новому времени уже не приписывается статус эпохи, в которую появился наделенный самосознанием повествователь [Aers 1992: 186]. И все же говорить о «рождении автора» в Средние века следует с осторожностью. Например, Энтони К. Спиринг, не соглашаясь с тем, что из средневековых текстов возможно «извлечь какое-либо единичное субъективное сознание», предлагает считать дейктические элементы (прежде всего личные и указательные местоимения), примеры которых легко найти в литературе этого времени, проявлением «субъективности текста» (textual subjectivity), а не повествователя [Spearing 2005: 15]. Спиринг сравнивает текст без повествователя с фильмом: современный зритель не ожидает, что камера обаятельно передает чей-то субъективный взгляд. Психологическое прочтение встречающихся в средневековых текстах дейктических маркеров не является продуктивным — тезис Спиринга представляется обоснованным, так как эти тексты действительно еще очень далеки от романтической модели автора-субъекта. Тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что эти безликие «я» и «вы» получают в тексте отличительные черты, которые, хотя и не приводят к появлению слаженного образа рассказчика и читателя, все же выходят за рамки дискурсивных маркеров.

Появлению субъективного голоса повествователя также как будто мешают *auctores*. Это понятие, на значимость которого впервые указал Элистер Дж. Миннис, связано с практикой средневековых авторов использовать имена авторитетов прошлого, чтобы придать своим текстам вес в глазах современников. Так, говоря о самом известном переложении троянской истории за время английского, если не вообще европейского, Средневековья — «Троиле и Крессиде» Джеффри Чосера, — Миннис называет упоминание в этом тексте Дарета и Диктиса попыткой «монетизировать их авторитет», опереться на уже подкрепленные традицией источники, на имена и образы тех, кому принято внимать [Minnis 1982: 25]. Однако Миннис упускает из виду то, как, воссоздавая образы предшественников, новый повествователь одновременно характеризует и самого себя, соотнося себя с ними или же противопоставляя себя им.

Топос *translatio studii* — «переноса» традиции античной учености — кажется самым очевидным способом соотнести себя со своими предшественниками: роль нового рассказчика старой истории оправдана необходимостью сделать историю Троянской войны доступной всем, кто не владеет латынью.

Когда в XIII веке Гвидо де Колумна, итальянский судья и историк, пишет в прозе свой труд «*Historia destructionis Trojae*», он упоминает лишь Дарета и Диктиса, не считая нужным указать, что его текст основан на французской поэме «*Le Roman de Troie*», написанной Бенуа де Сент-Мором в середине XII века. Напротив, все английские тексты, основанные на повествовании Гвидо, открыто заявляют о своем статусе перевода или пересказа текста-предшественника. Таким образом, их повествователи становятся продолжателями дела Гвидо, в ком они видят латинского переводчика исходных греческих текстов. Например, Джон Лидгейт, монах и поэт, оставивший огромное литературное наследие, но прославившийся значительно меньше своего учителя Чосера, делает из языковой преемственности политическую программу, приписывая принцу Генриху (будущему королю Генриху V) идею, что свидетельства древних нужно переводить на современные языки:

...достопочтенный принц Уэльский,
которому перейдет по наследству
управление Альбионом Брута,
ты повелел мне мрачную, жалкую судьбу троянцев
перевести на английский,
об осаде также и о разрушении,
следуя за тем, как говорится об этом на латыни,
и сделать это по стопам Гвидо...
И чтобы [эта история] была также написана на нашем языке,
как она написана на латыни и французском.

...the worthy prynce of Walys,
To whom schal longe by successioun
For to gouerne Brutus Albyoun —
Whych me comaunded the dreery pitus fate
Of hem of Troye in englysche to translate,
The sege also and the destructioun,
Lyche as the latyn maketh mencion,
For to compyle, and after Guydo make...
And y-writen as wel in oure langage
As in latyn and in frensche it is.

(Цит. по: [Bergen 1908: ll. 102—109, 113—114])

Существование истории Троянской войны на национальном языке становится частью государственной политики. Упомянув имя Брута, повествователь намекает на особую значимость Трои для Англии: начиная с «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского, Брут, праправнук Энея, объявляется легендарным основателем британского королевства. Именно Брут называется основателем Лондона, который вплоть до раннего Нового времени именуется Новой Троей (Troynovant) [Schwyzer 2020: 88]. Как показал Фредерик Кларк, выстраивание такой троянской генеалогии было повсеместным в средневековой Европе [Clark 2020: 102]. В тексте Лидгейта эта генеалогическая модель также находит отражение в системе передачи власти и знания: как Генриху предстоит перенять власть, происходящую от Брута, так и каждому новому участнику троянского дискурса следует принять эстафету от предшествующих поколений.

Сопоставление с генеалогической моделью, призывающей считать троянских воинов родоначальниками европейских государств, позволяет объяснить одну отличительную черту этого сообщества: в нем почти отсутствует *ассимиляция* — поглощение продолжателем образа предшественника. На это последнее явление, общее для средневековой литературы, впервые обратил внимание Лео Шпицер. Работая с текстами Марии Французской, знаменитой поэтессы XII века, и Пьера де Росси, служившего канцлером в Шартре в начале XIII века, Шпицер высказал гипотезу, что в Средневековье любой опыт поэтического «я» — это не факт частной жизни и личной биографии, а достояние всего человечества. Так, Мария Французская, переводя с латыни «Tractatus de Purgatorio Sancti Patricii», не пытается скрыть факт перевода, но тем не менее рассказывает от своего лица взятую из оригинального текста историю его создания (например, то, как к автору являлось божество, чтобы побудить его начать писать) и почти дословно использует слова автора-предшественника, когда говорит о значимости этого текста для нее самой. По мнению Шпитцера, читатель не просто может сам пережить все, что случилось с поэтическим «я»; такое перенимание опыта в прямом смысле слова является нормой [Spitzer 1946: 416].

Выстраивание между различными поколениями рассказчиков связей по генеалогическому образцу, напротив, делает необходимым разграничение их биографий. Так, рассматривая приписываемую Чосеру роль отца-основателя английской литературы, Хелен Купер пишет: «Хотя более поздние поэты не брали имя поэтического предка (то есть Чосера. — *Е.Г.*) в буквальном смысле слова, существование самого этого имени представляется обязательным условием для того, чтобы заявить о том, чьим сыном ты являешься» [Cooper 2011: 36]. Иными словами, чтобы принять образ продолжателя, нужно сначала сказать о том, чье дело ты продолжаешь; лишь существование самостоятельного образа предшественника позволяет появиться новому рассказчику.

Такое разграничение голосов присуще в основном троянским нарративам позднего Средневековья, тогда как в текстах XII и XIII веков оно представляется менее выраженным. Как уже было сказано, если Гвидо вовсе не упоминает, что работает с текстом Бенуа, английские переводчики непременно воздают должное труду Гвидо. Кроме того, исследователи отмечали ранне-средневековую тенденцию к «сближению» греческой и троянской перспективы [Маслов 2016: 84]. Даже граница между *fabula* и *historia*, проведенная уже в самом тексте Дарета, когда он противопоставляется Гомеру, в текстах Высокого Средневековья оказывается стерта. Например, пишущий на латыни английский поэт XII века Иосиф Эксетерский в своей «Илиаде» использует термин *vates* (прорицатель, поэт) как в отношении тех авторов, которые, подобно Гомеру, прогнали истину «старинным шумом» своих стихов, так и в отношении предполагаемого очевидца событий Дарета [Иосиф Эксетерский 2014: 6; Iscanus 1970: ll. 6—7, 25]⁵. Нельзя не увидеть иронию в том, что на протяжении Средних веков текст самого Иосифа передается в рукописях под именем Дарета: например, Чосер, предлагая читателям обратиться к тексту троянского очевидца, скорее всего, имеет в виду именно латинский эпос Иосифа, а не прозаические псевдосвидетельства [Root 1917: 22]. Таким образом, в дан-

5 Точно так же в «Le Roman de Troie» Бенуа де Сент-Мора и Гомер, и Дарет именуются *clercs* (клирики).

ном случае ассимиляция с предшествующим автором происходит не внутри текста, а за его пределами; сама форма рецепции этого произведения отражает стирание границ между предшественниками, присущее уже самому тексту Иосифа. Подобно тому, как он при помощи одного термина (*vates*) объединил представителей двух противоположных литературных традиций, в рукописях его образ сливается с образом Дарета.

В более поздних нарративах, напротив, обнаруживается стремление подчеркнуть уникальность и обособленность каждого голоса. В «*Gest hystoriale*» таким различающим признаком становится принадлежность к определенному культурному или географическому ареалу. Подчеркнув в прологе, что до него историю Троянской войны уже рассказывали грек, троянец и римлянин⁶, повествователь при помощи акростиha локализует себя как «господин Йоханнес, клирик из Валеле» (*Maistur Iohannes Clerk de Whalele*) [Turville-Petre 1988: 268]. В «*Laud Troy Book*» для характеристики участников троянского сообщества используется переход от устной традиции к письменной: очевидцы войны именуются герольдами (*heraudes*), а переработавший их текст Гвидо — нотариусом (*notary*) [Wülfing 1902: ll. 97—8, 6347, 6355]. Противопоставив эти повествовательные регистры, новый рассказчик тем самым прочерчивает свой образ: сам он намеревается вернуть историю к устной форме, предполагая исполнение своего текста «на пирах и больших праздниках» (*at Mangeres and at grete ffestes*) [Ibid.: l. 24]. Следовательно, троянский дискурс неожиданно получает характер цикличности, периодического чередования способов рассказывания, а вместе с этим и рассказчиков.

Важно отметить, что такое дифференцирующее отношение к предшественникам не означает, что отныне сочинители берутся добросовестно передавать известные факты, отказавшись от литературной игры. Как и в случае с Гвидо, рассказчик у Чосера может быть легко уличен в подлоге: хорошо известно, что вместо ссылки на свой основной источник — Джованни Боккаччо, чья поэма «*Il Filostrato*» легла в основу «Троила и Крессиды», — он выдумывает некоего Лоллиуса. Пусть это и вымышленный автор, его включение в ткань текста позволяет рассказчику стать его продолжателем. Он неоднократно подчеркивает, что во всем будет следовать «своему автору» [Chaucer 1987: 1: 394, 2: 49, 3: 575, 1325]. Точно так же в других троянских нарративах образы античных поэтов в первую очередь отвечают потребности нового повествователя представить читателям свой вымышленный портрет, а совсем не желанию добросовестно описать предшественника.

В «*Laud Troy Book*» обвинение Гомера и других поэтов просто исчезает из пролога. Это происходит потому, что текст стремится представить автора «*Laud Troy Book*» как первого автора «романа» о Трое⁷, обратившегося к (псевдо)историографическим материалам, чтобы по их мотивам воспеть деяния Гектора в стихах. Следовательно, из текста исключаются упоминания тех, кто

6 Ср.: «Диктис был очень дорог грекам... / Другой же был троянским воином... / Римлянин...» («*Dites full dere was dew to Grekys... / The tothyrt was a Tulke of Troy... / A Roman...*»). Римлянин в данном случае Корнелий Непот, Гвидо не получает географической характеристики.

7 Пол Штрот, изучая жанровые ярлыки, которые используются в самих средневековых троянских нарративах, отмечает, что в «*Laud Troy Book*» особенно четко прослеживается идентификация текста как средневекового рыцарского романа [Strohlm 1971: 355].

может составить ему конкуренцию. Так, вновь напоминая о своих источниках уже за пределами пролога, повествователь «Laud Troy Book» пишет, что свидетельства не только не содержали в себе вымысла, но и были написаны «точной прозой, а не романически» («in siker proses and no romaunce») [Wülfing 1902: l. 6358]. Ему же вследствие этого достается роль первого версификатора истории Троянской войны.

Следует отметить, что хотя ни нарратор «Gest hystoriale», ни Лидгейт в «Troy Book» не ищут для себя звания авторов первых поэтических текстов о Трое, они также стремятся войти в троянское сообщество в качестве поэтов. Именно поэтому образы, взятые из Гвидо, в этих двух текстах переосмысляются. Рассмотрим сначала версию из аллитеративного романа:

Гомера считали знаменитым благодаря его историям. <...>
 И он предал правду, не верьте никому другому.
 Рассказать о его вздоре у меня сейчас нет времени...
 Его опровергли известные поэты —
 Овидий и другие, что были честными,
 и добродетельный Вергилий,
 они провозгласив благородно,
 вынесли приговор его историям и сочли его глупцом.

Homer was holden haithill of dedis. <...>
 And traiet þe truth, trust ye non other.
 Of his trifuls to telle I haue no tome nowe...
 That poyetis of prise have preuyt vntrew:
 Ouyde and othir þat onest were ay,
 Virgille þe virtuus, verrit for nobill,
 Thes dampnet his dedys & for dull holdyn.

[Panton, Donaldson 1869: ll. 38, 42–43, 47–50]

На первый взгляд кажется, что повествователь не отходит от своего источника: как и в тексте Гвидо, здесь Гомер изображается лжецом, которому, несмотря на его славу среди греков, нельзя верить. Однако первое, что узнает читатель о Гомере — это то, что он *haithill* (достойный, прославленный). Появившиеся вследствие особенности аллитеративной строфики созвучие имени поэта и характеризующего его эпитета заглушает дальнейшую отрицательную характеристику. Образы Овидия и Вергилия изменены еще более кардинально. У Гвидо им обоим приписывается излишняя приверженность выдумкам Гомера: «Овидий... добавил ведь к выдумкам много выдумок, хотя и не исключал правды... Вергилий... рассказывал под светом правды, однако в чем-то не пожелал отмежеваться от выдумок Гомера» [Griffin 1907: 4]. Здесь же, аллитеративная формульность создает однозначные образы *onest Ouyde* и *virtuus Vigrille*. Такая положительная трактовка образов предшествующих поэтов, в свою очередь, накладывает отпечаток и на нового повествователя: опыт прошлого рассматривается как прецедент, позволяющий новому участнику троянского сообщества одновременно быть и поэтом, и правдолюбцем.

В отличие от повествователя «Gest hystoriale», который лишь намекает на свою причастность к традиции приверженных истине поэтов, нарратор «Troy Book» смело вписывает себя в генеалогию троянских авторов. Обвинение Гомера в отступлении от правдивого повествования Лидгейт вводит следующей

сентенцией о поэтах: «Они ухитрились при помощи ложного переписывания / окутать правду облаком» («They had contrevyed by false transumpcioun / To hyde trouthe falsely vnder cloude») [Bergen 1908: ll. 264—265]. Образ облака, скрывающего истину, также используется в прологе чуть раньше, когда, заканчивая развернутое обращение к разным божествам, рассказчик просит Каллиопу: «Теперь помоги мне осветить этот труд / мне, что окружен тусклым и темным облаком / невежества» («Now bemynd help tenlumyne with þis work, / Whyche am beset with cloudis dym and dirk / of ygnoraunce») [Ibid.: Prologue, ll. 59—61]. Обращая внимание читателей на собственное невежество, повествователь не просто следует топосу смирения, а проводит аналогию между собой и предшественниками. Однако, несмотря на то что все сообщество поэтов погружено в туман, мешающий отделить правду от лжи, рассказчик Лидгейта, в отличие от своих предшественников, изображен пассивным получателем знания. Он не напускает мрак на истину, как это делал Гомер, а, напротив, пытается рассеять его при помощи как божественных сил, к которым он обращается, так и своих читателей, разделяющих его стремление познать истину о прошлом.

Говорить о транслисторическом сообществе применительно к этим текстам было бы излишне, если бы все связи проецировались исключительно в одну сторону — по направлению к предшествующим авторам, образы которых во многом служат самоидентификации новых повествователей. Именно поэтому такой важной кажется параллель с генеалогией: позднесредневековые троянские нарративы призывают своих слушателей и читателей самим говорить и писать о Трое. Как правило, те, кто взывают к идеям *translatio studii* или *translatio imperii*, предполагают, что они находятся в конце пути: ни знание, ни власть не будут переданы дальше, другим народам и державам. Например, когда нарратор Крестьяна де Труа в «Клижесе» определяет *translatio studii*, его формулировку, которой суждено было стать классической, сопровождает надежда, что *clergie* (ученость) и *chevalerie* (учтивость) останутся во Франции навсегда [Jongkees 1967: 43]. Схожим образом представление о Москве как о Третьем Риме, отрицающее возможность появления Рима четвертого, наполнено ожиданием конца света и конца истории.

Средневековому троянскому дискурсу, напротив, не присуща эсхатология, здесь никто не ищет завершения, не пытается прервать многовековую беседу. Так, повествователь Лидгейта заканчивает пролог, «моля всех, кто это прочтет или увидит, где я ошибаюсь, поправить меня» («preynge to alle þat shal it rede or se, / Wher as I erre for to amenden me») [Bergen 1908: ll. 379—380]. Хезер Блатт относит этот призыв к позднесредневековой практике вовлеченного чтения (*participatory reading*), предполагающей активное участие читателей в производстве смыслов текста — как во благо, так и во вред возможным интенциям автора [Blatt 2018: 29]. Для транслисторического троянского сообщества этот комментарий из «Трой Вок» означает, что новые участники дискурса надеются теми же правами, что и авторы-предшественники. Несколькими строками выше повествователь подчеркивает, что его учитель Гвидо дополнял и улучшал найденный им текст:

Ибо он осветил при помощи мастерства и ритма
Эту благородную историю многими свежими оттенками
Риторички и многими богатыми цветами
Красноречия, чтобы она лучше прозвучала.

For he enlvmyneth by crafte & cadence
 This noble story with many fresche colour
 Of rethorik, and many riche flour
 Of eloquence to make it sownde bet.

[Bergen 1908: ll. 362—365]

Иными словами, хотя Лигтейт и противопоставляет Гвидо Гомеру, он открыто признает и даже одобряет то, что тот не стремился передать историю буквально, а раскрасил и оживил ее при помощи поэтических и риторических приемов. К этому призываются и будущие читатели.

Уже в прологе псевдосвидетельства Дарета читатели вовлекаются в троянский дискурс, когда им предлагается вынести суждение о том, кто говорит правду — Гомер или троянский хроникер, «чтобы читатели могли узнать, как совершились эти события. Сочтут ли они более справедливым то, о чем свидетельствует Дарет Фригийский, живший и воевавший в то самое время, когда греки напали на троянцев, или же более следует верить Гомеру, который родился через много лет после того, как произошла эта война?» [Захарова 1997: 7]. Однако наиболее существенное значение фигура читателя получает лишь в среднеанглийских троянских текстах, когда из пролога она перемещается в само повествование. Этот процесс можно заметить уже в «The Seege or Batayle of Troye», относительно коротком сочинении начала XIV века. Здесь обращения к публике выступают в качестве своеобразного пунктуационного знака, завершающего описание каждой битвы: «Господа, без сомнения, так закончилась вторая битва» («Lordyngis, saun fayle, / Pus con ende þeo secounde bataile») [Barnicle 1927: ll. 815—816]. Хотя читатели еще не наделены никакими особыми правами, их появление в нарративе лишает его единого центра. Разделяя с ними свой авторитет и авторитет предшествующих авторов, повествователь делит с ними и свою ответственность за рассказ.

Назвав проблему авторитета публики «этимологическим парадоксом», Джилл Манн показывает, что во всем корпусе Чосера, в том числе и в «Троиле и Крессиде», повествователь в первую очередь выступает как читатель [Mann 2014: 103]. То же можно сказать и обо всех других повествователях троянского средневекового дискурса, ведь во всех этих нарративах присутствуют отсылки к предыдущим текстам, переводами или переложениями которых они являются. Таким образом, описание читателей одновременно характеризует самих повествователей — тех, кто на данном этапе рецепции истории Троянской войны является первым среди равных в силу непосредственного соприкосновения с текстами предшественников. С другой стороны, вызванные к жизни текстом читатели становятся полноправными участниками сообщества; перед ними также встает задача найти общий язык с предшественниками, но при этом сохранить дистанцию по отношению к ним.

К попыткам наладить связь между поколениями относятся встречающиеся в нарративах отсылки к общечеловеческому опыту. Например, начиная описание одной из битв, повествователь «Laud Troy Book» сообщает: «Около середины лета — как вам хорошо известно — день длинный, солнце жаркое» («Aboute mydsomer — as ze wele wote — / The day is long, the sonne is hote») [Wülffing 1902: l. 15665]. Вместо наивной ремарки, которая накладывает погодные или астрономические ожидания современной публики на античные реалии, в этом замечании можно увидеть стремление повествователя найти точки

соприкосновения между людьми, разделенными пространством и временем, но равно заинтересованными троянской историей. Следовательно, публика, возникающая благодаря этому обращению, наделяется правом соотнести свои ощущения от жаркого летнего дня с опытом греческих и троянских воинов. Такой же мостик выстраивается между жителями Трои и читателями «Троила и Крессиды», когда, рассказывая о чувствах Троила после встречи с племянницей Пандара, повествователь, как будто походя, замечает: «Чем ближе к огню, чем горячее / Это, я уверен, знает вся честная компания» («For ay the ner the fir, the hotter is — / This, trowe I, knoweth al this compaignye») [Chaucer 1987: ll. 1: 449–450]. Трюизм о физических свойствах огня, знакомящий публику с состоянием влюбленного героя, должен подчеркнуть, что, как предполагает повествователь, чувства Троила не определяются историческим моментом, а, напротив, знакомы всем его читателям.

Впрочем, соотнося героев и читателей, повествователь дает понять, что сам он от таких чувств далек: он всего лишь вассал тех, кто служит богу любви. Надеясь, как и Лидгейт, будущих читателей правами редакторов, он поясняет:

Я говорю их все [слова], чтобы вы поправили,
И вам, кто чувствует искусство любви,
я оставляю на ваше усмотрение
удлинить или сократить мою речь.

I speke hem alle under correccioun
Of yow, that feling han in loves art,
And putte it al in your discrecioun
To encrese or maken diminucioun
Of my langage...

[Ibid.: ll. 3: 1332–1335]

Читатели могут улучшить рассказанную повествователем историю, если они обратятся к своему собственному опыту. Таким образом, им есть чем помочь всем предшествующим поколениям: их участие, обновляемое при каждом индивидуальном прочтении, придает рассказу о Трое трансисторический характер.

Подобно тому, как повествователь зависит от публики, она также нуждается в его посредничестве. Исследователи уже обращали внимание на то, что в тексте Чосера выбор между формами обращения *he* и *ye* не случаен: он выявляет неочевидные на первый взгляд отношения героев друг к другу. Например, в обращениях влюбленных героев используется вежливая форма, свойственная конвенциям куртуазного дискурса, а не любовной лирики [Walcott 1935: 285]. Не менее значим и выбор между формами первого лица единственного и множественного числа в описании повествователя и читателей. С одной стороны, повествователь неоднократно использует местоимение «мы», когда речь идет о культурной памяти в целом, например: «история нам рассказывает» («the storie telleth us»), «старые книги нам рассказывают» («as olde bokes tellen us») [Chaucer 1987: ll. 5: 1051, 1562]. История Троянской войны принадлежит публике настолько же, насколько и повествователю. В отношении же конкретных авторов это сказать нельзя, не ожидается, что новые участники сообщества уже напрямую знакомы или когда-то познакомятся с их текстами.

Например, дважды повторяющееся предложение познакомиться с событиями войны, обратившись к другим текстам, дается в косвенной форме, что бросается в глаза на фоне частых обращений к читателю во втором лице: «Но о троянских деяниях, как они случились / у Гомера, у Дарета или у Диктиса / кто может, пусть прочтет, как они описаны» («But the Troyane gestes, as they felle, / In Omer, or in Dares, or in Dyte, / Who-so that can, may rede hem as they wyte») и «Кто так хочет их услышать / пусть читает Дарета, он может рассказать обо всем сразу» («Whoso list hem heere, / Rede Dares, he kan telle hem alle ifeere») [Ibid.: ll. 1: 145—147; 5: 1772—1773]. Использование третьего лица вместо второго не лишает высказывания перформативной функции, но все же снижает ее значение, отказывая воображаемой публике в знакомстве с перечисленными авторами. Более того, читатель не может обратиться и к главному источнику — тексту Лоллиуса. Дело не только в том, что этот автор вымышлен, но и в том, что все его упоминания в тексте (как по имени, так и словом *auctour*) сопровождаются местоимением *тун* (мой). Повествователь становится обязательным звеном между Лоллиусом и другими участниками сообщества, без его посредничества связь между ними невозможна. Этот прием также помогает дифференцировать разные голоса, участвующие в троянском дискурсе.

Стремление избежать полного слияния между повествователем и читателями особенно заметно в «Gest hystoriale». Тогда как в латинском оригинале формульные обращения появляются только в отношении прошлого, напоминая, что повествователь следует за Даретом, все среднеанглийские переводы пронизаны такими же формулами и в отношении будущих участников сообщества. Однако при ближайшем рассмотрении становится заметно, что структура этих формул меняется на протяжении повествования. В метанарративных ремарках в начале и в конце «Gest hystoriale» используются местоимения первого лица единственного и второго лица множественного числа, например в формулах «as I telle schall» и «as ye shall note after». В середине текста, напротив, повествователь и читатели сливаются в одно целое, а в формулах начинает преобладать первое лицо множественного числа: «О троянских войнах мы теперь расскажем дальше» («Of the tulkes of Troy telle we now ferre»), «И вернемся к нашей истории и начнем, где мы остановились» («And turne to our tale & take þere we lefte») [Panton, Donaldson 1869: ll. 3859, 4458]. Затем увеличивается число императивов — «Подождите здесь немного, послушайте мои слова» («Lenge here at a litill, lystyn my words») [Ibid.: l. 8971], — благодаря чему «я» повествователя вновь отделяется от безымянных читателей. Наконец, текст возвращается к формулам, использованным в начале, напоминая об отличиях между повествователем и читателями при помощи разных местоимений. Иными словами, остается в силе параллель с генеалогией: чтобы троянское сообщество продолжило существовать, нельзя прервать *translatio*, слившись с публикой в одно целое, ведь только дистанция между автором и читателями позволит им в последствии стать новыми повествователями.

К позднесредневековым троянским текстам не применима максима Ролана Барта, провозглашающая смерть автора необходимым условием рождения читателя [Barthes 1977: 148]. Напротив, авторы и читатели — субъекты, разделенные временем и пространством, — неразрывно связаны друг с другом. Каждый из них уникален, но при этом находится в зависимости от предшественников и продолжателей. Именно связи между участниками позволяют этому сообществу продолжать существовать.

В более поздней итерации троянской истории, в «Троиле и Крессиде» Шекспира, можно найти такие слова:

Да один чужак
Мне пишет, будто внутренне и внешне
Богато одаренный человек
Тогда лишь качества свои познает,
Когда они других людей согреют
И возвратятся с отраженной силой
К источнику.

(Пер. Т.Г. Гнедич [Шекспир 2001: 442–443]).

A strange fellow here
Writes me that man, how dearly ever parted,
How much in having, or without or in,
Cannot make boast to have that which he hath,
Nor feels not what he owes, but by reflection —
As when his virtues shining upon others
Heat them, and they retort that heat again
To the givers.

[Shakespeare 1998: 3.3. ll. 99–106]

Это рассуждение, с которым Улисс обращается к Ахиллу, служит предлогом, чтобы рассказать ему об успехах Аякса и тем самым вызвать в нем зависть и желание вернуться на поле битвы. Мысль Улисса точно передает принцип, по которому строятся отношения в средневековом троянском дискурсе: лишь через общение с другими повествователь может обрести свой собственный голос.

Библиография / References

- [Ботвинник, Творогов 1977] — Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Под ред. М.В. Ботвинника, О.В. Творогова. Л.: Наука, 1972.
- (Trojanskije skazaniya: Srednevekovye rytsarskie romany o Trojanskoj vojne po russkim rukopisyam XVI—XVII vekov / Ed. by M.V. Botvinnik, O.V. Tvorogov. Leningrad, 1972.)
- [Захарова 1997] — Daretis Phrygii. De excidio Troiae historia. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Пер., коммент., вступ. ст., сост. А.Б. Захаровой. СПб.: Алетейя, 1997.
- (Daretis Phrygii. De excidio Troiae historia / Transl., ed., introd. and comp. by A.B. Zakharova. Saint Petersburg, 1997. — In Russ.)
- [Иосиф Эксетерский 2014] — *Иосиф Эксетерский. Илиада* / Пер. Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2014.
- (Joseph of Exeter. Iliad. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Маслов 2016] — *Маслов А.Н.* Неслучайные очевидцы Троянской войны, или Еще раз о времени и правде свидетельства в средневековой традиции // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 78–115.
- (Maslov A.N. Nesluchaynye ochevidtsy Trojanskoj vojny, ili Eshche raz o vremeni i pravde svidetel'stva v srednevekovoy traditsii // Sotsiologiya vlasti. 2016. Vol. 28. № 2. P. 78–115.)
- [Шекспир 2001] — *Чосер Дж.* Завещание Крессиды; *Хенрисон Р.* Троил и Крессиды; *Шекспир У.* Троил и Крессиды; / Подгот. А.Н. Горбунов и др. М.: Наука, 2001.

- (*Chaucer G. Troilus and Criseyde; Henryson R. The Testament of Cresseid; Shakespeare W. Troilus and Cressida* / Prep. by A.N. Gorbunov et al. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Aers 1992] — *Aers D.* A Whisper in the Ear of Early Modernists; or, Reflections on Literary Critics Writing the “History of the Subject” // *Culture and History, 1350—1600: Essays on English Communities, Identities, and Writing.* New York and London: Harvester Wheatsheaf, 1992. P. 177—202.
- [Barnicle 1927] — *Seege of Troye* / Ed. by M.E. Barnicle. London: Humphrey Milford; Oxford University Press, 1927.
- [Barthes 1977] — *Barthes R.* The Death of the Author // *Image, Music, Text.* London: Fontana Press, 1977. P. 142—148.
- [Bergen 1908] — *Lydgate’s Troy Book* / Ed. by H. Bergen. London: N. Trübner & Co., 1908.
- [Blatt 2018] — *Blatt H.* Participatory reading in late-medieval England. Manchester: Manchester University Press, 2018.
- [Chaucer 1987] — *Chaucer G.* The Riverside Chaucer / Ed. by L.D. Benson. Boston: Houghton Mifflin, 1987.
- [Clark 2020] — *Clark F.* The First Pagan Historian: The Fortunes of Fraud from Antiquity to the Enlightenment. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- [Cooper 2011] — *Cooper H.* Choosing Poetic Fathers: The English Problem // *Medieval and early modern authorship* / Ed. by G. Bolens, L. Erne. Tübingen: Narr, 2011.
- [Schwyzer 2020] — *Schwyzer P.* The Politics of British Antiquity and the Descent from Troy in the Early Stuart Era // *Celts, Romans, Britons: Classical and Celtic Influence in the Construction of British Identities* / Ed. by Fr. Kaminski-Jones, R. Kaminski-Jones. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- [Griffin 1907] — *Griffin N.E.* Dares and Dictys; an introduction to the study of medieval versions of the story of Troy. Baltimore: J.H. Furst company, 1907.
- [Ischanus 1970] — *Ischanus J.* Werke und Briefe / Hrsg. von L. Gompf. Leiden: Brill, 1970.
- [Jongkees 1967] — *Jongkees A.G.* Translatio Studii: les avatars d’un thème médiéval // *Miscellanea Mediaevalia in memoriam Jan Frederik Niermeyer.* J.B. Wolters Groningen, 1967. P. 41—53.
- [Levy 1943] — *Levy H.L.* As Myn Auctour Seyth // *Medium Aevum.* 1943. Vol. 12. P. 25—39.
- [Mann 2014] — *Mann J.* The authority of the audience // *Life in Words: Essays on Chaucer, the Gawain-Poet, and Malory* / Ed. by M.D. Rasmussen. Toronto: University of Toronto Press, 2014. P. 102—116.
- [Minnis 1982] — *Minnis A.J.* Chaucer and Pagan Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- [Panton, Donaldson 1869] — The “Gest Hystoriale” of the Destruction of Troy: an Alliterative Romance Tr. from Guido de Colonna’s “Hystoria Troiana” / Ed. by G.A. Panton, D. Donaldson. London: N. Trübner & Co., 1869.
- [Root 1917] — *Root R.K.* Chaucer’s Dares // *Modern Philology.* 1917. Vol. 15. № 1. P. 1—22.
- [Shakespeare 1998] — *Shakespeare W.* Troilus and Cressida / Ed. by D. M. Bevington. London: Arden Shakespeare, 1998.
- [Simpson 1998] — *Simpson J.* The Other Book of Troy: Guido Delle Colonne’s *Historia Destructionis Troiae* in Fourteenth- and Fifteenth-Century England // *Speculum.* 1998. Vol. 73. № 2. P. 397—423.
- [Spearing 2005] — *Spearing A.C.* Textual Subjectivity: The Encoding of Subjectivity in Medieval Narratives and Lyrics. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- [Spitzer 1946] — *Spitzer L.* Note on the Poetic and the Empirical ‘I’ in Medieval Authors // *Traditio.* 1946. Vol. 4. P. 414—422.
- [Strohm 1971] — *Strohm P.* *Storie, Spelle, Geste, Romaunce, Tragedie: Generic Distinctions in the Middle English Troy Narratives.* *Speculum.* 1971. Vol. 46. № 2. P. 348—359.
- [Turville-Petre 1988] — *Turville-Petre T.* The Author Of “The Destruction Of Troy” // *Medium Aevum.* 1988. Vol. 57. № 2. P. 264—269.
- [Walcott 1935] — *Walcott C.C.* The Pronoun of Address in Troilus and Criseyde // *Philological Quarterly.* 1935. Vol. 14. P. 282—287.
- [Witalisz 2011] — *Witalisz W.* The Trojan Mirror: Middle English Narratives of Troy as Books of Princely Advice. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.
- [Wülfing 1902] — The Laud Troy Book: a Romance of About 1400 A.D. / Ed. by J. E. Wülfing. London: N. Trübner & Co., 1902.